

Редьярд Киплинг

Воспитание Отиса Айира

*Часть сборника
Рикша-призрак (сборник)*

Редъярд Киплинг
Воспитание Отиса Айира

«Public Domain»

1888

Киплинг Р. Д.

Воспитание Отиса Айира / Р. Д. Киплинг — «Public Domain»,
1888

«Здесь будет рассказана история одного неудавшегося предприятия, история, весьма поучительная для молодого поколения, по мнению женщины, потерпевшей неудачу. Конечно, молодое поколение не нуждается в поучениях и всегда более склонно поучать, чем учиться. Тем не менее мы приступим к описанию того, что произошло в Симле, т. е. там, где все начинается и многое кончается весьма плачевно...»

© Киплинг Р. Д., 1888

© Public Domain, 1888

Редьярд Киплинг

Воспитание Отиса Айира

* * *

I

Здесь будет рассказана история одного неудавшегося предприятия, история, весьма поучительная для молодого поколения, по мнению женщины, потерпевшей неудачу. Конечно, молодое поколение не нуждается в поучениях и всегда более склонно поучать, чем учиться. Тем не менее мы приступим к описанию того, что произошло в Симле, т. е. там, где все начинается и многое кончается весьма плачевно.

Ошибка была совершена очень ловкой женщиной, сделавшей промах и не исправившей его. Мужчинам свойственно ошибаться, но ошибка ловкой, искусной женщины как-то не вяжется с законами природы и не предусмотрена Провидением. Кому же не известно, что женщина единственное непогрешимое существо в мире, кроме разве государственных облигаций, принесших четыре с половиной процента в год? Необходимо, впрочем, вспомнить, что повторение, в продолжение шести дней подряд, центрального акта Падшего ангела в Новом городском театре, в котором еще не высохла штукатурка, должно было внести в умы немало всякой смуты, порождающей эксцентричность.

М-с Хауксби пришла позавтракать к м-с Маллови, своему закадычному другу, которая, как она говорила, не была тем, что называется истая женщина. И это был интимнейший женский завтрак при закрытых для всего мира дверях. Беседа шла о разных chiffons¹ – слово французское по исключительной таинственности его значения.

– Я утратила душевное равновесие, – заявила м-с Хауксби, когда завтрак был кончен и обе комфортабельно расположились в маленьком кабинетике рядом со спальней м-с Маллови.

– Дорогая моя девочка, что он сделал? – Замечательно, что дамы известного возраста называют друг друга «дорогая девочка», так же как комиссионеры двадцати восьми лет, адресуясь к своим ровням по чину, называют их «мой мальчик».

– Дело вовсе не в нем на этот раз. Почему это мысль обо мне всегда вызывает представление о каком-нибудь мужчине? Что, я из апашей?

– Нет, дорогая, но чей-нибудь скальп всегда сохнет на двери вашего вигвама. Или, скорее, мокнет.

Намек был на Хаулея Боя, который имел обыкновение целые дни ездить по Симле, невзирая на дождь, чтобы встретить м-с Хауксби. Упомянутая леди рассмеялась.

– За мои грехи Эди из Тирконнеля приставила ко мне прошлый вечер Муссука. Не смейтесь! Один из наиболее преданных мне поклонников. После того как съели пудинг, Муссук освободился и все время был около меня.

– Несчастный человек! Я знаю его аппетит, – сказала м-с Маллови. – И что же, он начал?.. он начал ухаживать?

– По особой милости Провидения, нет. Он начал объяснять мне важность своего положения как столпа империи. И я смеялась.

– Люси, я вам не верю.

– Спросите капитана Сангара, он был рядом. Итак, Муссук пустился в рассуждения.

¹ Женские наряды, тряпки.

– Могу себе представить его в этой роли, – задумчиво проговорила м-с Маллови, шепоча за ухом своего фокстерьера.

– Я изнемогала. Положительно изнемогала. Зевала открыто. «Держать в строгости и натравливать их одного на другого, – изрекал он, поглощая свое мороженое столовыми ложками, уверяю вас, – в этом, м-с Хауксби, секрет нашего управления».

М-с Маллови смеялась долго и весело.

– А что вы ему сказали?

– А разве я когда-нибудь лазила за словом в карман? Я сказала: «Зная вас, могла ли я сомневаться в ваших административных талантах». Муссук еще больше преисполнился важности. Завтра он будет у меня. И Хаулей Бой тоже.

– «Держать в строгости и натравливать одного на другого. В этом, м-с Хауксби, секрет нашего управления». А ведь я убеждена, что в глубине души Муссук считает себя светским человеком.

– В некотором отношении, пожалуй, он и прав. Я люблю Муссука и не хочу, чтобы он знал, что я про него говорю. Он забавляет меня.

– Как видно, и он вас прибрал к рукам. Так расскажите же о потере душевного равновесия. Да дайте по носу Тиму. Он очень любит сахар. Хотите молока?

– Нет, благодарю. Полли, я разочаровалась в жизни, чувствую пустоту ее.

– Обратитесь к религии. Я всегда говорила, что в Риме ваша судьба.

– Чтобы отдать полдюжины attaches в красном за одного в черном, чтобы поститься и получить морщины, которые никогда уже не исчезнут. Приходило вам когда-нибудь в голову, Полли, что я старею?

– Благодарю за любезность. Я всегда считала, что мы с вами одного возраста. Теперь я этого не скажу. Так в чем же это выражается?

– Какие мы были раньше? «Я чувствую это в моих костях», как говорит м-с Кросслей. Я растратила свою жизнь, Полли.

– Как?

– Все равно как. Я чувствую это. Я хотела бы насладиться властью, прежде чем умру.

– Наслаждайтесь. Для этого вы достаточно остроумны и красивы!

М-с Хауксби поставила чашку чаю перед гостьей.

– Полли, если вы будете говорить мне такие комплименты, я перестану видеть в вас женщину. Скажите лучше, как получить мне власть в руки?

– Уверьте Муссука, что он самый обворожительный и тонкий человек в Азии, и он сделает все, что вы захотите.

– Надоел мне Муссук! Я хочу господства в области мысли, а не в пустом пространстве. Знаете, Полли, я хочу устроить у себя салон.

М-с Маллови лениво повернулась на софе и опустила голову на руку. «Слушайте словеса пророка, сына Барухова», – процитировала она библейский текст.

– Хотите вы поговорить серьезно?

– Непременно, дорогая, потому что вижу, что вы собираетесь сделать большую ошибку.

– Я не сделала ни одной ошибки в жизни – по крайней мере, такой, какой не могла бы объяснить впоследствии.

– Собираетесь сделать ошибку, – повторила м-с Маллови спокойно. – Невозможно устраивать салоны в Симле. К этому слишком много препятствий.

– Почему? Казалось бы, так легко.

– И вместе с тем так трудно.

– Много ли умных женщин в Симле?

– Я и вы, – не задумываясь ни на минуту, сказала м-с Хауксби.

– Скромная женщина! М-с Фирдон поблагодарила бы вас за это. А сколько умных мужчин?

– О! их... сотни, – смело произнесла м-с Хауксби.

– Роковое заблуждение! Ни одного. Они все на откупе у правительства. Возьмите, например, моего мужа. Джек был умным человеком, хотя, может быть, мне и не следовало бы этого говорить. Правительство съело его. Все его мысли и способности к разговору – он в самом деле был прекрасный собеседник, даже для жены, в старые времена – и все это отнято у него, переработано этой кухней человеческих мозгов – правительством. И так с каждым человеком, который находится здесь на службе. Я не думаю, чтобы русский каторжник из-под кнута был способен наслаждаться отдыхом в кругу себе подобных. А все наши мужчины здесь каторжники в золоченых кандалах.

– Но есть же десятки...

– Знаю, что вы хотите сказать. Десятки бездельников гуляют на свободе или в отпуску. Но всех их можно разделить на две категории. Штатские, которые были бы очаровательны, если бы обладали лоском и манерами военных, и военные, которым только не хватает образования штатских. Это – рыночные чайники из хорошего материала, но без отделки. Бедняжки, они, конечно, не виноваты и ничем не могут помочь себе. Штатский может быть терпим только после того, как он лет пятнадцать потерся по разным гостиним.

– А военный?

– После такого же срока службы. Молодежь обеих категорий ужасна. Но таких вы, конечно, будете иметь десятки в вашем салоне.

– Не буду! – с гордостью заявила м-с Хауксби. – Я поставлю у дверей их собственное начальство, чтобы оно поворачивало их обратно. Я пошлю их играть с девочкой Топсхэма.

– Девочка будет им рада. Но вернемся к вашему салону. Предположим, вам удастся собрать всех наших дам и мужчин, что вы будете с ними делать? Заставите их разговаривать? Они все тотчас же начнут флиртовать. Ваш салон сделается в конце концов местом скандалов.

– Это соображение, пожалуй, не лишено мудрости.

– В нем не столько мудрости, сколько знания света. Двенадцать лет жизни в Симле могли привести к мысли, что в Индии не может образоваться никакого постоянного центра. Все мы только мелкие брызги грязи на склоне холма – сегодня здесь, а завтра, может быть, уже отнесены за тридевять земель. Мы утратили способность поддерживать разговор – по крайней мере, наши мужчины. У нас нет того, что называют обществом...

– Джордж Эллиот во плоти, – ядовито вставила м-с Хауксби.

– И вместе взятые, милая моя насмешница, мы, мужчины и женщины, ничего не значим. Подите-ка на веранду и посмотрите на аллею!

Обе смотрели вниз, на улицу, быстро наполнявшуюся обитателями Симлы, спешившими воспользоваться промежутком между дождем и туманом.

– Как же вы думаете остановить этот поток? Смотрите! Тут и Муссук – глава неизвестно чего. Он имеет положение в стране, хотя и ест, как ломовой извозчик. И полковник Блюпи, и генерал Грочер, и сэр Дугальд Делани, и сэр Генри Хаугтон, и г-н Желатти. Все власти и все начальство департаментов.

– И все они мои пламенные поклонники, – с упоением проговорила м-с Хауксби. – Сэр Генри Хаугтон сохнет по мне. Но продолжайте.

– Каждый из этих людей в отдельности чего-нибудь стоит. Вместе они – только сборище англо-индусов. Кому интересно знать, что говорят англо-индусы? Ваш салон, дорогая моя, не объединит департаменты и не сделает вас госпожой Индии. И эти господа никогда не сообщат административной новости в толпе – в вашем салоне, – они так боятся, что их подслушают нижние чины. Что же касается литературы или искусства, то мужчины забыли все, что когда-либо знали, а дамы...

– Могут говорить только о модных проповедниках или о прегрешениях своей прислуги. Я виделась сегодня утром с м-с Дервильс.

– С этим вы согласны? Но они охотно разговаривают с нижними чинами, так же как и те с ними. Ваш салон выиграл бы в их глазах, если бы вы интересовались всеми религиозными предрассудками страны и наполнили ваш салон монахами разных сект.

– Наполнить салон монахами! О, моя идея! Монахи в салоне! Но что натолкнуло вас на эту мысль?

– Может быть, моя собственная попытка в этом направлении, может быть, попытка другой женщины на моих глазах. Во всяком случае, я считала своим долгом высказать вам свое мнение, а что из этого будет...

– Не продолжайте. Суэта. Я очень благодарна вам, Полли. Эта шушера... – м-с Хауксби сделала приветственный жест рукой в ответ на почтительный поклон двух господ, проходивших в толпе мимо веранды. – Эта шушера не получит нового центра для своего флирта и учинения скандалов. Я оставляю мысль о салоне. Хотя она была так соблазнительна! Но что мне делать, Полли? Я должна что-нибудь делать.

– Почему же нет? Оставьте только попытки философствовать.

– Джек испортил вас. Вы злы почти так же, как он! И все-таки что-нибудь мне нужно придумать. Я устала от всего, начиная с пикников на Сипи при лунном освещении и кончая лестью и комплиментами Муссука.

– Да, к этому мы все приходим рано или поздно. А хватило бы у вас характера уйти со сцены теперь?

У м-с Хауксби задрожали губы, но она тотчас же взяла себя в руки и засмеялась.

– Мне кажется, я уже вижу себя делающей это. Большое объявление на стене, напечатанное жирным шрифтом: «М-с Хауксби! Последнее появление на сцене! Предупреждаются все!» Нет больше танцев, нет верховой езды, завтраков, театра с ужинами после него, нет ссор с милым, дорогим другом. Нет больше фехтований с неприличным человеком, который не умеет одеться так, чтобы нравиться, и не умеет выразить своих чувств в подходящей форме. Кончены появления всюду с Муссуком, прекращаются невероятные истории, которые рассказывает обо мне всей Симле м-с Таркесс! Нет больше ничего, на что уходила жизнь, что было гнусно, отвратительно и для чего вместе с тем стоило жить. Да! Я вижу все это! Не прерывайте, Полли, на меня нашло вдохновение. Воздушное, белое «облако», обрамлявшее великолепные плечи, смято, кресло пятого ряда в Новом театре и обе лошади проданы. Очаровательное видение! Уголок за драпировкой у входа в большой зал или милые скрипящие ступени веранды, выходящей в сад! А потом ужин! Представляете себе эту картину? Прожорливая толпа устремляется к выходу. Робкий субалтерн, розовый, как новорожденный младенец, право, они должны дубить субалтернов, прежде чем выпустить их в свет, Полли. Хозяйка призвала его к исполнению обязанностей. Он неуклюже пробирается ко мне через весь зал. Натягивает перчатки вдвое больше его руки – ненавижу людей, носящих перчатки свободные, как пальто. Он старается принять независимый вид. «Могу я предложить вам руку, чтобы вести вас к ужину?» И я поднимаюсь с холодной улыбкой на губах. Приблизительно так.

– Люси, перестаньте дурачиться.

– И торжественно выступаю, опираясь на его руку. Так! После ужина я уезжаю рано – вы знаете, как я боюсь простуды. Потом, пока я стою на ступенях с «белым облаком» на голове и сырость понемногу проникает сквозь бальные туфли в чулки и холодит мои бедные маленькие ножки, Том до хрипоты вызывает, чтобы разбудить мемсахибгхари, который заснул в рикше. А затем дома и ложиться в постель в половине одиннадцатого! Истинно великолепная жизнь, украшаемая еще визитами патера, возвращающегося с похорон кого-нибудь там.

Она протянула руку по направлению к кладбищу, потом продолжала, драматически жестикулируя:

– Слушайте! Я вижу все. Вижу даже скелет! Но сначала похороны. Могу описать их. Пара лошадей... гроб... покров... факелы!

– Люси, ради Бога, не размахивайте же так идиотски руками! Помните, что каждый может видеть вас внизу.

– Пусть видят! Подумают, что я репетирую «Падшего ангела». Смотрите! Вон Муссук. Как некрасиво он сидит на лошади! Фу!

С неподражаемой грацией она посылала в то же время воздушный поцелуй одному из представителей высшей администрации Индии.

– Теперь, – продолжала она, – он будет хвастаться в клубе, в изысканных выражениях, свойственных этим скотам, а мальчик Хаулей расскажет мне потом, смягчая подробности, из боязни оскорбить меня. Он слишком хорош для нашей жизни, Полли. Я серьезно думаю посоветовать ему бросить светскую службу и идти в духовную. В его теперешнем настроении он меня послушается. Милое счастливое дитя!

– Пожалуйста, не начинайте снова, – с негодующим видом перебила ее м-с Маллови. – Будете вы завтракать сегодня? Люси, ваше поведение позорно.

– Сами виноваты! – резко возразила м-с Хауксби. – Хотите внушить мне отречься от всего, что мне так присуще. Нет! Jamais! Никогда! Я буду играть, танцевать, ездить верхом, веселиться, злословить, кутить, отбивать законных пленников у всех женщин, которых намечу как жертву. Буду, буду, пока не исчезну или пока женщина, лучше меня, не опозорит меня перед всей Симлой, не забросает меня грязью.

Она направилась в гостиную. М-с Маллови последовала за ней и обняла ее за талию.

– Я ничего... – проговорила м-с Хауксби, бодрясь и разыскивая платок в кармане. – Я не была дома десять вечеров подряд и репетировала после полуночи. Это утомило бы и вас. Все это только от того, что я устала.

М-с Маллови не стала сочувствовать м-с Хауксби, не стала уговаривать ее прилечь, но предложила ей вторую чашку чаю и продолжала разговор.

– Через все это я прошла, дорогая моя, – сказала она.

– Я припоминаю, – возразила м-с Хауксби с лукавой улыбкой на оживившемся лице. – В 84-м году, не так ли? Вы выезжали гораздо меньше в последний сезон.

М-с Маллови улыбнулась немного свысока и загадочно.

– Я получила внушение.

– Милое, прелестное дитя, может быть, вы присоединились к теософам и целовали толстые пятки Будды? Я тоже пробовала толкнуться к ним, но они изгнали меня за неверие. Нет надежды усовершенствовать мою несчастную, заблудшую душу.

– Нет, я не сделалась теософкой. Джек говорит...

– Оставьте Джека. Что говорит муж, всегда известно вперед. Что сделали вы?

– Мне удалось произвести впечатление и долго иметь влияние на человека.

– Все это есть у меня уже более четырех месяцев, но нисколько не утешает меня. Я возненавидела мужчин. Перестанете ли вы многозначительно улыбаться и скажете ли наконец, в чем дело?

М-с Маллови сказала:

– И вы... хотите... сказать, что все это было совершенно платонически с обеих сторон?

– Совершенно. Ничего иного я никогда не допустила бы.

– И своим последним повышением он обязан вам?

М-с Маллови кивнула головой.

– И вы предостерегали его от девочки Топсхэм?

Второй утвердительный кивок.

– И сказали ему об особом внимании к нему сэра Дугальда Делани?

Третий кивок.

– Зачем?

– И это спрашивает женщина! Прежде всего потому, что это забавляло меня. И я горжусь им теперь. Пока я жива, он будет идти вперед. Я направила его на правильный путь к рыцарству и ко всему, чего стоит достигать мужчине. Остальное зависит от него самого.

– Полли, вы необыкновенная женщина!

– Ничуть не бывало. Я сосредоточилась на одном, вот и все. Вы разбрасываетесь, дорогая. И хотя всей Симле известно ваше искусство держать в упряжке...

– Не выберите ли слова получше?

– В упряжке не меньше полдюжины, от Муссука до мальчика Хаулея, но вы ничего от этого не выигрываете. Даже не забавляетесь.

– А вы?

– Испробуйте мой рецепт. Возьмитесь за мужчину, не мальчика, заметьте, почти зрелого, ничем не связанного, и будьте его путеводной звездой, вдохновителем и другом. Вы увидите, что найдете самое интересное занятие, какое только можно себе представить. Так будет, не смотрите на меня с недоверием, так будет, потому что так было со мной.

– В таком предприятии есть некоторый риск, но это делает его только более привлекательным. Я найду такого человека и скажу ему: «Помните, что не должно быть никакого флирта. Делайте только то, что я вам говорю, пользуйтесь моими указаниями и советами, и все будет хорошо». Так?

– Более или менее так, – сказала м-с Маллови с загадочной улыбкой. – Будьте уверены, он поймет.

II

Так сидела м-с Хауксби у ног м-с Маллови и училась мудрости. Результатом беседы явилась великая идея, которой м-с Хауксби немало гордилась потом.

– Предупреждаю вас только, – сказала м-с Маллови, продолжая свои поучения, – что дело далеко не так просто, как кажется, может быть, с первого взгляда. Всякая женщина, даже девочка, сумеет поймать мужчину, но очень, очень немного таких, которые смогут управлять им.

– Дитя мое, – был ответ, – прошел уже не один год с тех пор, как я выучилась смотреть на мужчину сверху вниз. Спросите Муссука, как я управляю им. – М-с Хауксби отвернулась с пренебрежением. – Я разговариваю с ним всегда ироничным тоном.

М-с Маллови скрыла улыбку и сказала совершенно серьезно:

– Конечно, с моей стороны слишком смело давать вам такие советы. Я знаю, что Люси умная женщина, только крошечку беспечна.

Через неделю обе встретились в театре.

– Ну? – спросила м-с Маллови.

– Он уже пойман! – торжествующе ответила м-с Хауксби, и в глазах ее прыгали задорные огоньки.

– Кто он, безумная женщина? Я уже в отчаянии, что научила вас этому.

– Смотрите, там, между колоннами. В третьем ряду, четвертый с конца. Он повернулся к нам. Видите?

– Отис Айир! Самый невозможный из всех! Я вам не верю.

– Ш-ш!.. Погодите, пока м-с Таркасс начнет убивать Мильтона Уиллинга. Я все расскажу вам. Ш-ш! Голос этой женщины всегда напоминает мне о сухих мрачных подземельях. Теперь слушайте. Это действительно Отис Айир.

– Я вижу, но следует ли из этого, что он уже ваша собственность?

– Уже! По всем правилам искусства. Я нашла его одиноким и печальным на последнем вечере у Дугальда Делани. Мне понравилась его поза, и я заговорила с ним. На следующий день он пришел ко мне. Потом мы ездили вместе верхом, и теперь он привязан к моей колеснице, как пленник. Вы увидите это, когда спектакль кончится. Он еще не видит меня.

– Слава Богу, по крайней мере, это – не мальчик. Что же вы намерены делать с ним, взяв его на свое попечение, если это уже факт, что вы им владеете?

– Если! Может ли женщина – могу ли я – когда-нибудь ошибаться в подобных случаях? Во-первых, – м-с Хауксби с хвастливым видом загнула маленький пальчик, обтянутый перчаткой, – во-первых, дорогая моя, я заставлю его одеться почище. Сейчас он одет позорно. Его манишка напоминает смятый парус «Пионера». Во-вторых, сделав его более презентабельным, я займусь его манерами. Что касается его нравственных качеств, они выше всякой похвалы.

– По-видимому, вы познакомились с ним очень близко, невзирая на краткость срока.

– Вы-то уж должны знать, я думаю, что первым доказательством того, что мужчина заинтересовался женщиной, служит его желание говорить с ней о собственной особе. Если женщина слушает его, не зевая, она начинает нравиться ему. Если она сумеет польстить его мужскому тщеславию, он кончает тем, что обожает ее.

– В большинстве случаев так.

– Во всех случаях, за самым незначительным исключением. Я знаю, о чем вы сейчас думаете. В-третьих, и в-последних, после того как он приобретет необходимый лоск и будет как следует одет, я буду, как вы сказали, его путеводной звездой, другом и вдохновителем. И он будет иметь успех, громадный успех, какой имел ваш друг. Я давно уже удивлялась, глядя на этого человека, и не понимала причины его преуспевания. Или, может быть, Муссук сам пришел к вам, встал на одно колено, или нет – на оба, подал вам список всех должностей в департаментах и сказал: «Обожаемый ангел, выберите назначение для вашего друга»?

– Люси, ваша продолжительная практика в военном департаменте испортила вас. В гражданском мире так не делается.

– Мои слова не относятся к службе Джека, дорогая моя. Я спрашивала вас только ради интереса. Дайте мне три месяца срока, и вы увидите, какие перемены произойдут в моем воспитаннике.

– Желая успеха, но не могу не пожалеть, что толкнула вас на путь подобного развлечения.

– «Я сама скромность и заслуживаю бесконечного доверия», – процитировала м-с Хауксби из «Падшего ангела». Беседа закончилась одновременно с последним протяжным воинственным криком м-с Таркасс.

Злейшие враги м-с Хауксби – а у нее было их много – вряд ли обвинили бы ее в бесполезной трате времени на этот раз. Отис Айир был одним из тех упорных, неподдающихся людей, которые могут прожить всю жизнь, не сделавшись ничьей собственностью. Десять лет, проведенные на гражданской службе ее величеству в Бенгалии, большей частью в незavidных округах, не могли дать ему достаточных поводов для гордости и самоуверенности. Не настолько молодой, чтобы беспечно и с легкомысленным увлечением гоняться за чинами и назначениями, надевающими еще более тесный хомут на шею, он не был еще и так стар, чтобы остановиться на точке замерзания, благодарить судьбу за полученное и считать свою карьеру законченной. А когда человек стоит спокойно на месте, он чувствует самое легкое побуждение извне. Судьба сделала Отиса Айира одной из спиц колеса, на котором движется административный механизм. В общем безостановочном движении механизма отдельные единицы утрачивают сердце, ум, душу и силы. Пока правитель не заменит человеческую силу в государственной работе, всегда будет известный процент людей, использованных, истраченных только на рутину механизма. Потому что общие достижения и цели очень отдалены, а требования настоящего дня не терпят отлагательства. Канцелярии знают их только по именам. Они не принадлежат к числу видных людей в округах, с дивизионами и чиновниками, окружающими их. Они – только

отдельные спицы колеса, стоящие в одном ряду, пища для лихорадки, разделяющие с земледельцем и запряженным в плуг быком честь быть плинтусом, на котором покоится государство. Более старые из них уже утратили все свои стремления, молодые со вздохом откладывают их в сторону. Те и другие вооружаются терпением до окончания дня. Двенадцать лет в этом колесе, говорят, усмиряют сердце храбрейших и притупляют ум остроумнейших.

Из этой жизни сбежал Отис Айир на несколько месяцев, надеясь отдохнуть в небольшой компании знакомых мужчин. По окончании отпуска он вернулся бы в свою болотистую, заросшую, безлюдную Бенгалию, к местному доктору, местным ассистенту и магистрату, к дымной, душной станции, к нездоровой атмосфере города и беззастенчивому нахальству муниципалитета, не ставящего ни в грош жизнь вверенных ему людей. Жизнь вообще не ценилась там. Плодородная почва производила человечество, как лягушек в дождливую пору, и пробел, сделанный болезнью в один сезон, с избытком заполнялся производительностью другого. Отис был бесконечно счастлив, что мог сложить с себя, хотя бы на короткое время, свои обязанности, вырваться из кипящего, жужжащего, больного человеческого улья, бессильного помочь себе, но способного калечить, истязать и доводить до изнеможения ослепленных людей, призванных, по ироничному определению правительства, заботиться об этом улье.

Было известно, что в Бенгалии безобразно одеваются женщины. Это можно было видеть по тем, которые иногда приезжали в Симлу. Но о том, что там так же одеваются и мужчины, еще не знали.

Это приходило теперь в голову каждому, кто видел Отиса Айира в его платье допотопного фасона. Дружба с м-с Хауксби должна была изменить его внешность основательным образом.

По словам этой дамы, в интимной беседе величайшее счастье для мужчины говорить о самом себе. Из уст Отиса Айира м-с Хауксби услышала мало-помалу все, что хотела знать о предмете своего изучения. Она узнала об образе жизни, какой он вел там, «в этом отвратительном, холерном месте», как она назвала Бенгалию. Узнала также, хотя несколько позднее, какую жизнь он рассчитывал вести, какие мечты он лелеял в своей душе приблизительно лет десять тому назад, пока действительность не наложила руку на эти мечты. Хороши были для таких конфиденциальных бесед широкие тенистые аллеи для верховой езды в Проспект-Хилле.

– Нет еще, – сказала м-с Хауксби м-с Маллови. – Нет еще. Я должна подождать, пока он хотя бы оденется прилично. Великий Боже, ведь он и понятия не имеет о том, какая честь для него быть на моем попечении!

Среди недостатков м-с Хауксби не было ложной скромности.

– Всегда с м-с Хауксби! – шептала м-с Маллови со своей очаровательной улыбкой Отису. – О вы, мужчины, мужчины! Уже слышно рычание пенджабцев, потому что вы монополизировали самую прелестную женщину в Симле. В один печальный день они разорвут вас на куски на Мэле, м-р Айир.

М-с Маллови скакала вниз с холма, удовлетворенная действием своих слов.

Выстрел попал в цель. Действительно, Отис Айир – ничтожная мошка, затерявшаяся в шумном водовороте Симлы – монополизировал прелестнейшую женщину в ней, и Пенджаб рычал. Мимоходом брошенное замечание упало на добрую почву и способствовало пышному расцвету тщеславия. До сих пор он не смотрел на знакомство с м-с Хауксби, как на предмет всеобщего интереса.

Сознание, что ему завидуют, приятно льстило чувствам незначительного человека. Слова одного из собеседников за завтраком в клубе подлили масла в огонь. «Берегитесь, Айир, – сказал тот, – вы на краю пропасти. Неужели же у вас не было ни одного доброго друга в Симле, который бы сказал вам, что она опаснейшая женщина в Симле?»

Айир усмехнулся и вышел из клуба. Когда, о, когда же, наконец будет готово его новое платье? Он спустился на Мэль, чтобы справиться. М-с Хауксби, возвращавшаяся из церкви в

рикше, окинула его испытующим взором. «Он уже более похож на мужчину, чем на неуклюжего оболтуса». Она прищурила глаза, чтобы солнце не мешало ей смотреть. «Да, он ничем не хуже других мужчин, когда так держится. О, благословенное тщеславие, чем были бы мы без тебя?»

Вместе с новым платьем явился новый прилив самоуверенности. Отис Айир увидел, что может войти в комнату, не чувствуя легкой испарины. Может пройти через нее и разговаривать потом с м-с Хауксби, как будто комната и не была пройдена. В первый раз, может быть, за все девять лет он гордился собой, был доволен своей жизнью, своим новым платьем и наслаждался чувством дружбы – дружбы с м-с Хауксби.

– Внешнего лоска еще не хватает бедняге, – говорила она в новой интимной беседе с м-с Маллови.

– Я уверена, что в Нижней Бенгалии чиновников заставляют пахать землю. Как видите, мне пришлось начинать с ним с азов. Правда? Но вы не можете не видеть, дорогая, как изменился он к лучшему с тех пор, как я взяла его в руки. Мне надо еще немножко времени, и он сам себя не узнает.

В самом деле, Айир быстро стал забывать, кем он был прежде. Один из его сослуживцев жестоко задел его, спросив однажды, по простоте душевной:

– Кто сделал вас так быстро членом совета, батенька? Ведь вы перескочили через полдюжину кандидатов?

– Очень жаль, но я ничего об этом не знал, – как бы оправдываясь, ответил Айир.

– Ничего позорящего вас я в этом не вижу, – продолжал старик. – Карабкайтесь, Отис, карабкайтесь, пока не забрала вас лихорадка. Три тысячи в месяц она уносит.

Айир передал разговор м-с Хауксби. Он поведал ей о своем огорчении, как своему близкому другу.

– А вы оправдывались! – воскликнула она. – О, какой стыд! Ненавижу людей, которые оправдываются. Никогда не оправдывайтесь, когда друзья будут говорить о ваших служебных успехах. Никогда! Мужчина должен быть дерзок и смел, пока не встретится с более сильным. Теперь слушайте меня, гадкий мальчик.

Легко и гладко, как катилась рикша вокруг Джакко, преподавала м-с Хауксби уроки житейской мудрости Отису Айиру, иллюстрируя их живыми примерами, встречающимися им на пути во время их прогулки в солнечный жаркий полдень.

– Боже милостивый! – закончила она восклицанием. – Ведь таким образом в следующий раз вы будете защищаться, когда вас назовут моим attache!

– Никогда! – с твердостью заявил Отис Айир. – Это совсем другое дело. Я всегда буду...

«Что будешь?» – подумала м-с Хауксби.

– Гордиться этим, – докончил Отис.

«Пока спасена», – сказала себе м-с Хауксби.

– Только боюсь, что я начинаю уже зазнаваться. Знаете, как осел, которого перекормили. Он разжирел и начал брыкаться. Может быть, это от горного воздуха и отсутствия переутомления в мозгу.

«Горный воздух... возможно, – сказала опять себе м-с Хауксби. – Он до конца жизни просидел бы в клубе, если бы я не открыла его».

Затем она прибавила вслух:

– У вас есть данные, чтобы чувствовать себя выше других.

– У меня! Какие?

– О, их совсем немало. Только это чудное утро не располагает меня к серьезному разговору, а то я бы сказала какие. А что это за рукописи вы показывали мне вместе с грамматикой местного наречия?

– Записки о гулалах. Пустяки. Но я так много работал над этим, что не хочется и вспоминать теперь. Вам следовало бы ознакомиться с нашим округом. Приезжайте как-нибудь с вашим супругом, я покажу вам окрестности. Бесподобное место, особенно во время дождей! Громадные лужи, железнодорожные насыпи, змеи, шныряющие всюду, и зеленые мухи летом. Жители, способные умереть от страха при одном взмахе собачьего хлыста. Но они знают, что вам запрещено пускать его в дело, поэтому отравляют вашу жизнь ежеминутно. О, это божественное место.

Отис с горечью засмеялся.

– Тем более необходимо вам оставить его. Зачем вам жить там?

– Потому что больше нигде. Как я могу уйти оттуда?

– Как! Сотни путей для этого. Право, если бы здесь не было так много народу, я дала бы вам хорошую затрещину. Требовать, милый мой мальчик, требовать! Смотрите! Вот молодой Хэксерли шесть лет на службе здесь и с половиной ваших талантов. Он требовал то, что ему было нужно, и получил. А тот вот, Мак Артурсон, как он достиг своего настоящего положения? Требовал, напрямик и упорно требовал – оторвавшись от жалкой чиновничьей лямки. Поверьте, все люди одинаковы на вашей службе. Я много лет прожила в Симле. Неужели вы думаете, что люди достигают высокого назначения, потому что известны их таланты заранее? Все вы вначале выдержали экзамены, какие вам полагаются, и все, за исключением уж совсем отпетых, способны работать. Остальное требуйте. Называйте это настойчивостью или нахальством, но требуйте! Люди полагают – знаю, что говорят люди, – что человек, умеющий дерзко требовать, должен кое-что представлять из себя. Слабый человек не скажет: «Дайте мне то или другое». Он будет только думать: «Почему мне не дали того или другого?» Если бы вы были в армии, я сказала бы, служите в пехоте, будьте барабанщиком. Там это значит – требовать! Вы принадлежите к ведомству, которое может распоряжаться ламаншской эскадрой, и медлите требовать, чтобы вас убрали из округа с зелеными мухами, где вы не признаетесь даже за господина. Поднимите на ноги всю бенгальскую администрацию. Предъявляйте свои права. Хлопочите у индийского правительства. Попытайте счастья в пограничном департаменте, там могут быть шансы у всякого, кто верит в себя. Пытайтесь всюду! Делайте все! Вы вдвое умнее и втрое представительнее всех здесь, и... и... – м-с Хауксби замолчала, чтобы перевести дыхание, – и всякая карьера, которая вам придется по душе, будет вами сделана. Вы можете пойти так далеко!

– Я не знаю... – сказал Айир, несколько ошеломленный неожиданным потоком красноречия. – Я не такого высокого мнения о себе.

Это была деликатность, но не вполне платоническая. М-с Хауксби легко прикоснулась рукой к лапе без перчатки, лежащей на откиннутом верхе ее рикши, и, смотря Отису прямо в лицо, сказала нежно, почти слишком нежно:

– Я верю в вас, если вы не верите в себя. Довольно ли этого, мой друг?

– Довольно, – ответил Отис торжественно.

Он замолчал и молчал долго, погрузившись в мечты, которыми жил он восемь лет назад, но сквозь них блестели порой, как солнечные лучи сквозь позолоченное облако, фиалковые глаза м-с Хауксби.

Любопытны и непостижимы вместе с тем извилины жизни, или, скорее, существования, в Симле. Постепенно, в свободное время между танцами, развлечениями и проповедями, распространилось среди мужчин и женщин известие о том, что Отис Айир, глаза которого зажглись теперь новым светом веры в себя и в свои силы, сделал что-то стоящее внимания там, в глуши, откуда он пришел. Он просветил заблудившийся муниципалитет, внушил доверие к себе и спас сотни жизней. Он знал гулалов так, как не знал их никто другой. Изучил вообще прекрасно местные племена; несмотря на свое невысокое служебное положение, пользовался большим авторитетом среди местных гулалов. Никто, в сущности, и не знал, кто или

что такое эти гулалы, пока Муссук, которого вызывала к себе м-с Хауксби, не возвестил всем, гордясь своими познаниями, что это одно из жестоких горных племен, дружбу с которым считает полезным поддерживать даже Великая Индийская империя. А нам известно теперь, что сведения эти были почерпнуты м-с Хауксби из записок Отиса Айира, который вел их в продолжение шести лет наблюдения над этими самыми гулалами. Он рассказал ей также, как свирепствовала среди них лихорадка, благодаря их дикости и невежеству. Как, приведенный в отчаяние смертью от лихорадки своего любимого помощника, он проклял однажды местное управление за его халатность. М-с Хауксби с интересом слушала все эти рассказы и решила издать его записки, пока они не дошли до ушей посторонних слушателей, способных, по ее мнению, преувеличить как хорошее, так и худое. После этого Отис Айир окончательно почувствовал себя героем дня и предметом всеобщего внимания.

– Теперь вы не будете впадать в мрачное настроение, – сказала м-с Хауксби. – Расскажите мне обо всем, что вас веселит и радует.

Отис не требовал дальнейшего поощрения. Представьте себе человека, имеющего за плечами в качестве советника и друга светскую женщину. Пока он пользуется этим, он безбоязненно может встречаться с людьми того и другого пола – преимущество, которое не имело в виду Провидение, когда создавало мужчину в один день, а женщину в другой, в знак того, что они не должны вмешиваться в жизнь друг друга. Такой человек может пойти очень далеко или, неожиданно для всех окружающих, ринуться в бездну, если отвергнет предлагаемый ему совет.

Управляемый м-с Хауксби, которая, в свою очередь, опиралась на мудрость м-с Маллови, возгордившийся и в конце концов уверовавший в себя, потому что в него верили другие, Отис Айир был готов к принятию дара судьбы, благосклонно повернувшей к нему лицо. Он чувствовал себя на этот раз более вооруженным для борьбы, чем был прежде, когда бесполезно и одиноко боролся в глуши.

Что случилось дальше, не поддается описанию. Началось с того, что м-с Хауксби имела несчастье сообщить о своем намерении провести следующий сезон в Дарджилинге.

– Вы окончательно решили это? – спросил Отис Айир.

– Окончательно. Мы хлопочем уже о помещении.

Отис Айир «остолбенел», по словам м-с Хауксби, рассказывавшей о происшедшем м-с Маллови.

– Он вел себя как пони капитана Керрингтона, – сердито говорила м-с Хауксби. – Или даже скорее как осел на последней процессии Гимхана. Уперся передними ногами и не хотел сделать ни шага дальше. Полли, мой мужчина начинает разочаровывать меня. Что мне делать?

Обыкновенно м-с Маллови нелегко было удивить чем-нибудь, но в этот раз она широко открыла глаза.

– Вы провели его уже так далеко, – сказала она. – Поговорите с ним, спросите, что это значит.

– Непременно. Сегодня, на танцевальном вечере.

– Нет, нет! Ни в коем случае за танцами, – предостерегла м-с Маллови. – Мужчины никогда не бывают сами собой во время танцев. Подождите лучше до завтрашнего утра.

– Невозможно. Если уж он пришел в такое настроение, нельзя терять больше ни одного дня. Вы будете? Нет? Так подождите меня, дорогая. Я ни в каком случае не останусь после ужина.

М-с Маллови ждала весь вечер, глядя задумчиво и внимательно на огонь, и временами улыбалась сама себе.

– О! О! О! Этот человек идиот! Настоящий идиот! Я в отчаянии, что познакомилась с ним! – М-с Хауксби ворвалась к м-с Маллови среди ночи, чуть не плача.

– Ради Бога, что случилось? – Но глаза ее ясно говорили, что она уже заранее знала ответ.

– Что случилось! Спросите, что не случилось! Он был там. Я подошла к нему и сказала: «Ну, теперь объясните, что все это значит?» Не смейтесь, пожалуйста, дорогая, я не могу выносить этого. Мы сели в отдалении от всех, и я снова потребовала объяснения. И он сказал... О! У меня не хватает терпения говорить с такими идиотами! Вы знаете, что я сказала ему, что намерена поехать в Дарджилинг на следующий год? Мне решительно все равно, где быть. Я привыкла переезжать с места на место. Он начал говорить, и так многословно, о том, что не будет больше заботиться о повышении, потому что... Потому что он может быть назначен в провинцию, далеко от Дарджилинга, а его округ, где живут эти создания, в одном дне расстояния...

– А-а-хх! – протянула м-с Маллови тоном, вмещающим в себя целый лексикон.

– Слышали ли вы что-нибудь подобное этакой бессмыслице? И это все, что вышло из моих стараний! Ведь я могла сделать для него все! Все на свете! Ведь с моей помощью он мог пройти хоть на край света. Ведь я его создала, не так ли, Полли? Разве я не создала этого человека? Разве он не обязан мне всем? И вместо благодарности испортить мне все именно в ту минуту, когда дело так хорошо наладилось, ну разве это не безумие!

– Только немногие мужчины способны оценить вашу преданность.

– О, Полли! Не смейтесь надо мной. Я презираю всех мужчин с этой минуты. Я готова убить его! Какое право имеет этот человек... эта тварь, которую я вытащила из грязи, любить меня?

– А он любит?

– Любит. Я не помню половины того, что он сказал, я была так взбешена. О, но эта нелепость все-таки случилась! Я не могу смеяться, потому что готова, скорее, кричать от ярости. Он нес околесицу, а я бесилась. Боюсь, что мы страшно шумели в нашем уединенном углу. Поддержите мое достоинство, дорогая, если завтра будет об этом кричать вся Симла. Затем он в пылу своего красноречия наклонился вперед и... – я уверена, что этот человек сумасшедший, – и поцеловал меня.

– Нравственность, не заслуживающая упрека, – промурлыкала м-с Маллови.

– Все они такие были, такие и будут! Но что это был за бессмысленный поцелуй. Я уверена, что он никогда в жизни не поцеловал ни одной женщины. Я откинула голову назад, и что-то такое скользнуло, клюнуло в самый подбородок... сюда... – М-с Хауксби слегка ударила веером по своему маленькому мужскому подбородку. – Я пришла в ярость и сказала ему, что он не джентльмен, что я жалею, что встретила с ним, и тому подобное. Но он был так подавлен, что я не могла даже больше сердиться. Потом я пошла прямо к вам.

– Было это до или после ужина?

– О, раньше... гораздо раньше ужина. Но правда это ужасно?

– Дайте подумать... До завтра я не скажу вам ничего. Утро вечера мудренее.

Утром пришел слуга и принес великолепный букет роз м-с Хауксби для сегодняшнего бала.

– Он не считает себя достаточно наказанным, – сказала м-с Маллови. – Что там за записочка в середине?

М-с Хауксби развернула изящно сложенную записку – тоже результат ее обучения Отиса, – прочла ее и трагически простонала:

– Окончательно свихнулся! Стихи! Его собственные, как вы думаете? О, и я потратила столько труда и возлагала столько надежд на такого слезливого дурака!

– Нет. Это из сочинения м-с Браунинг и, принимая во внимание события, как говорит Джек, прекрасный выбор. Слушайте.

М-с Маллови начала читать чувствительное любовное стихотворение, но м-с Хауксби прервала ее:

– Я не могу! Не могу, не могу!

Глаза ее наполнились слезами.

– На это нельзя даже сердиться. Это все так печально.

– Во всяком случае, он ничем вас не компрометирует, – сказала м-с Маллови. – Решительно ничем. По опыту я знаю, что мужчины прибегают к стихам, когда собираются обратиться в бегство. Подобно лебедю, который поет, как вы знаете, перед смертью.

– Полли, вы нисколько не сочувствуете мне.

– Не сочувствую? Разве это уж так ужасно? Если он несколько ранил ваше тщеславие, то уж вы, конечно, гораздо сильнее ранили его душу.

– О, никогда, никогда нельзя понять мужчин! – проговорила м-с Хауксби.